

С. Н. Искюль

Рецензия на монографию: *Rey M.-P. 1814, un Tsar à Paris. Paris: Flammarion, 2014. 331 p.*

Новую книгу можно считать продолжением темы, получившей свое освещение в 2009 г., когда Мари-Пьер Рэ, профессор русской истории университета Paris-I Panthéon-Sorbonne, выпустила книгу об Александре I, дополненную затем новыми материалами, расширенную и переизданную в 2013 г. (не лишним будет отметить, что новая биография Александра I в прошлом году была опубликована в московском издательстве РОССПЭН). Но книга о событиях 1814 г. во Франции, актуально приуроченная к 200-летней дате вступления русской армии в Париж, — это еще и до известной степени продолжение ее сочинения о войне 1812 г. в России (*L'effroyable tragédie. Une nouvelle histoire de la campagne de Russie. Paris: Flammarion, 2012*).

Конечно, центральной фигурой книги профессора М.-П. Рэ является российский император. В статье «Alexandre Ier 1814–1815, nouveau regard sur “le sphinx”», написанной автором для журнала *Napoléon Ier* (2014. N° 71. P. 23–29), М.-П. Рэ специально касается обстоятельств и деятельности Александра I в новых для него условиях, когда в отличие от 1812 г. многое, если не всё, зависело от его воли. Это касается не только собственно военных действий коалиции, но и проведения в жизнь собственных взглядов, которые вынашивались, не ослабевая, в 1812–1813 гг. и крепили во время французской кампании по мере приближения к Парижу и в самой французской столице. Еще в 1812 г., как пишет автор книги, император пришел к убеждению в том, что начавшаяся борьба может закончиться лишь поражением одного из противников, что прочный мир может быть подписан только в Париже. В этом он последовательно преодолевал инертность и предубеждения офицерства своей армии и генералитета, —

не в последнюю очередь известного «царедворца» фельдмаршала М. И. Кутузова — которые по завершении тяжелой кампании в России были не прочь остановиться на достигнутом и не идти далее Немана.

Вплоть до 1814 г. включительно Александр I упорно преодолевал и предубеждения своих союзников по коалиции, — австрийского императора и прусского короля — готовых завершить переговоры с Наполеоном подписанием мира. Дальнейшие события привели его к мысли о том, что ослабленная Франция должна быть заключена в так называемые «естественные границы» (Рейн—Альпы), которые должны явиться неременным условием спокойствия Европы; в основе же умиротворения континента, утвержденного на новых основах, исполненных религиозного духа, как считал император, должно было лежать уважение международных трактатов, что в свою очередь должно было служить гарантией европейского баланса.

Все эти взгляды государя и его поступки на почве реальной политики, когда надо было принимать решения, отстаивая необходимость прочных гарантий безопасности со стороны Франции в рамках «европейского равновесия», одновременно высказываясь в пользу реставрации королевской власти во Франции, — всё это в полной мере получило свое отражение в новой книге. Как, впрочем, и неизбежное разочарование Александра I тем, что королевская власть в 1814 г. и не собиралась делать уступки переменам, произошедшим с 1789 по 1814 г., и привнести в свою политику толику либеральных идей, чтобы придать новому режиму во Франции более приемлемые черты в сравнении с режимом «узурпатора».

М.-П. Рэ справедливо указывает на тот факт, что Александр I, пока военные действия еще не приблизились к Парижу, испытывал немалые колебания, оценивая шансы возможных преемников Наполеона на французском престоле. Еще в начале войны 1812 г. на вопрос британского генерала Роберта Вильсона, кому в конце концов может достаться трон Франции, император ответил «*Au plus digne*». «Достойнейшим» в его глазах вполне мог быть бывший маршал Франции Жан-Батист Бернадот, ибо графа Прованского, будущего Людовика XVIII, Александр I ставил весьма невысоко. Однако ему пришлось изменить свое мнение и перестать строить свои расчеты на симпатиях к шведскому наследному принцу. Это произошло после того, как император Александр поселился в знакомом парижанам особняке на углу улицы Сен-Флорантэн и площади Согласия (там, где сейчас посольство Соединенных Штатов), и автор справедливо не исключает того, что это вполне могло быть подстроено Ш.-М. де Талейраном в своих далеко идущих целях. Фактически проживание русского царя в доме бывшего министра иностранных дел Талейрана, много сделавшего в деле конечного сокрушения власти «чудовища», предредило судьбу Наполеона и склонило еще недавно колебавшегося русского императора в пользу Бурбонов. Надо полагать, именно тогда он воспринял талейрановский принцип легитимизма, сыгравший в ближайшем последствии столь важную

роль, особенно на Венском конгрессе. Оба по-своему ненавидели Наполеона, и это сблизало их позиции по многим вопросам. Так, во всяком случае, считал, Филипп-Поль граф де Сегюр, который в последнем томе своих воспоминаний поместил замечание в том смысле, что именно это «решило судьбу Франции!».

Фоном всех этих переговоров, связанных с подписанием Парижского мирного договора 31 марта 1814 г., и всей той деятельности, большей частью скрытой от посторонних глаз, являлось присутствие во французской столице русских войск, вступивших в Париж после того, как столица оказалась едва ли не беззащитной. Конечно, такое присутствие русских масс явилось неизбежным импульсом к взаимному и каждодневному общению, которое в ряде случаев преобразовалось, как пишет автор книги, в живой обмен политическими и даже философскими представлениями; правда, в данном случае этот процесс носил в большей степени односторонний характер, т.е. от французов — к русским. Этому способствовало практическое отсутствие языкового барьера, разумеется, лишь среди офицерства русской армии, включая и младший офицерский состав. Этому способствовало и то обстоятельство, что французы оценили большей частью достойное поведение русских, которое, надо полагать, служило сдерживающим фактором для войск остальных союзников русского императора.

Немалое достоинство книги М.-П. Рэ и заключается в том, что в ней историк приводит многие свидетельства пребывания офицеров русской армии в Париже, что называется, из первых уст. В книге помещены выдержки из воспоминаний адъютанта графа М. А. Милорадовича Федора Николаевича Глинки, адъютанта императора Александра I и впоследствии военного историка Александра Ивановича Михайловского-Данилевского, а также полковника, состоявшего в 1814 г. при М. С. Воронцове, Владимира (Вольдемара) Ивановича фон Лёвенштерна (остзейского барона, но отнюдь не «эстонского», а эстляндского происхождения, как и его соотечественник офицер русской армии Борис Юксюль. — *С.И.*); использует автор и воспоминания генерала от инфантерии Луи-Александра (Александра Федоровича) де Ланжерона, прапорщика русской армии Ивана Михайловича Казакова, адъютанта генерала Н. Н. Раевского Константина Николаевича Батюшкова, поэта, и многих других. Эти свидетельства любопытны описаниями первых и последовавших затем встреч с жителями различных районов Парижа, впечатлениями от посещений столичных кафе, ресторанов, музеев и театров. М.-П. Рэ обстоятельно и зачастую впервые на французском языке использует в своей книге эти воспоминания и дневники русских людей, и самое обилие этих документальных свидетельств о живом интересе их авторов ко всем сторонам французской — не только столичной — жизни, которая была, несомненно, богаче и многообразнее тогдашней российской действительности. Но интерес был взаимным, и для обеих сторон многое было внове, поскольку выезд за границу в то время вообще был непрост — для этого необходимо было получить особое разрешение; что же касается, выра-

жаясь современным языком, получения любой информации, то и это было сопряжено с трудностями, ибо в печати иностранные известия в обеих странах подверглись строгой цензуре. Важно, что используются эти источники наравне с источниками французского происхождения, в том числе и тогда, когда автор касается политических и военных сюжетов 1814 г. Обилие цитат, особенно из русских источников, ни в коей мере не должно вызывать возражений. Рецензент полагает, что это как раз тот случай, когда лучше не излагать источник своими словами, а, сохраняя колорит и аромат эпохи, давать подробную цитату целиком; это необходимо, поскольку многие русские источники французскому читателю неизвестны или их редкие французские издания недоступны. Подчеркнем, что цитаты из русских источников приводятся в книге в хороших авторских переводах.

Итак, в 1814 г. франко-российское и русско-французское общение было оживленным и заинтересованным, что, как оказалось, заложило основу для продолжения этого общения в будущем. Это общение было весьма разнообразным, что вполне естественно, оно развивалось и крепло. М.-П. Рэ указывает, например, и на такую важную особенность этого «общения», как — назовем вещи своими именами — проявления дезертирства из рядов русской армии, которое затронуло по разным подсчетам десятки тысяч солдат и офицеров. Об этом еще Ф. В. Ростопчин отозвался в письме к жене в начале августа того же 1814 г.: «Судите же сами, до какой степени разложения дошла наша армия, если старые унтер-офицеры и солдаты остаются во Франции, а из Конногвардейского полка за одну ночь дезертировало 60 человек с оружием в руках. Они направляются к богатым крестьянам, которые не только платят им больше, но и отдают за них своих дочерей». Но надо иметь в виду, что в 1814 г. во Франции находилось немало русских военных, но и русских военнопленных, многие из которых после пребывания в плену, где больных и раненых русских солдат и офицеров обихаживали и лечили, также не пожелали возвращаться в Россию...

Книга, насыщенная источниками различного национального и сословного происхождения, которые под пером автора «сплетаются и сталкиваются» (*conjugées et croisées*), должна способствовать постижению не только успеха кампании, развернувшейся во Франции в 1814 г. с вторжением армий коалиции. Следует признать, что книга М.-П. Рэ важна для понимания особой «оригинальности» парижской и провинциальной франко-российской встречи, в которой живые ощущения и впечатления от увиденного и услышанного, как оказалось, во многом превзошли все ожидания как у русских, так и в особенности у французов. Эта встреча в 1814 г. не прошла бесследно тем более, что отчасти в иных условиях она повторилась уже в 1815 г., когда русские войска опять пришли в Париж. Так что у русско-французской встречи было будущее, и в этом ее немалое историческое значение, о чем в заключении, богатом экскурсами и ценными наблюдениями, пишет М.-П. Рэ.